

Текст · 17 июня 2023, 07:43

Алла Константинова,

«Раздевайся, будем смотреть, кто ты». Рассказ трансженщины, оказавшейся в спецприемнике «Сахарово» за лозунги в поддержку Украины

Смех, танцы, разговоры с друзьями — так начинался вечер Элис Фемины, которая в конце мая праздновала свой день рождения в одном из клубов Москвы.

Ночью, поругавшись с охранниками заведения, она крикнула: «Слава Украине!», из-за этого полицейские задержали ее и отвезли в отдел, а суд отправил на 15 суток в спецприемник «Сахарово». Трансженщина рассказала «Медиазоне», как полицейские заставляли ее раздеваться при них, оскорбляли и запугивали уголовным делом.

Я — гражданка Казахстана, но в Москве живу уже больше 15 лет. Занимаюсь архитектурой, дизайном интерьеров.

27 мая у меня был день рождения, мы пошли с подружками отмечать. Нагуглила клуб «Молодежь» на «Менделеевской», забронировала столик, внесла депозит. Веселились, отдыхали, танцевали, периодически выходили покурить.

Потом я одну подружку проводила — посадила в такси, потом вторую. И в какой-то момент охранник не впустил меня обратно. Я спрашиваю: «На каких основаниях?». А он: «Ни на каких». Начал грубо со

мной говорить, отталкивать: «Иди отсюда вообще», «Да это мужик в юбке».

И я, конечно, сначала спокойно с ним разговаривала, я вообще неконфликтный человек. Подлетел другой [охранник]. Потом подружка вышла, начала с ними разговаривать. А они: «Нет, не зайдет, и все». Я попросила подружку принести сумку, у меня там паспорт.

И да, конечно, меня это все... я разнервничалась. Тем более такое уже бывало в клубах в Москве. Не скажу, что я часто куда-то хожу, но случались такие истории. В общем, подружка мне говорит: «Да забей, ладно, давай уйдем». А я: «Да пошли вы все на фиг!». Ну, и начала кричать: «Слава Украине!». Это были мои чувства, я их так выражала.

Там стояло очень много людей, человек пятьдесят. Очередь в соседний клуб, наверное, была, не знаю. Как реагировали... Смотрели на меня. Кто-то хотел на меня напасть, потом охранник тоже хотел напасть — я начала отбрыкиваться, затем охранники прижали меня к стене и вызвали полицию. Подруга их настойчиво просила меня отпустить, даже когда полиция приехала, говорила: «Отпустите ее, она ничего не сделала». В итоге она поехала со мной: специально назвала полицейского козлом, и ее за оскорбление [сотрудника] при исполнении тоже забрали.

Посадили на заднее сиденье полицейской машины, на меня надели наручники, привезли нас в Тверской районный отдел полиции. Подругу часа два подержали и отпустили без протокола, попросили

просто извиниться перед полицейским. А меня закрыли.

Воскресенье я там пролежала, в этом обезьяннике. Ну да, отношение там ко мне, конечно, было... ужасное. Постоянно трансфобили^[1], оскорбляли, называли меня постоянно «трансухой», непонятными местоимениями, в среднем роде.

На следующий день повезли меня еще на алкогольное медосвидетельствование — у меня там все по нулям было. Но там стояли все эти полицейские, посмеивались, говорили про меня «он». Я им: «Пожалуйста, обращайтесь ко мне как к женщине». А они: «Ха-ха, трансуха».

А уже в понедельник утром приходит ко мне полицейский. Говорит: «Называй свое старое имя, фамилию». Я говорю, что не буду ничего называть. Вот вам мой паспорт, это мои настоящие имя и фамилия. Он ушел. Минут через пять-десять дверь открывается, и меня выводят в холл. Не знаю, как это у них называется, приемник, ну, общая комната.

Там полицейские. Один в дежурке сидит, из окна на меня смотрит. Я стою у двери, слева от меня два мужчины. И стоит стол, за ним сидит женщина^[2], очень жесткая. Она как давай сразу на меня орать: «Че, сука, говори, кто ты такая? Давай свое имя называй прошлое! Мы же видим, кто ты вообще!». Я говорю: «Вот мое имя [в паспорте], больше ничего не скажу».

Раньше думала, что если будут какие-то проблемы с полицией, то я буду говорить: «Я пользуюсь 51-й статьей Конституции». А тут что-то все из

головы вылетело. И вообще я была в растерянности. Состояние, конечно, ужасное.

И тут она говорит: «Давай раздевайся, будем смотреть, кто ты — мужчина или женщина». Очень сильно на меня орала, гаркала прям. А мужики стояли смотрели. Я говорю: «Ну, если хотите, осматривайте меня, женщина, наедине». А она: «Нет, пускай все смотрят».

Ну, в общем, я начала раздеваться. Было страшно очень. Вообще страшно от всего происходящего. Я полностью разделась. Они меня осмотрели, сказали покрутиться. Кто-то из них сказал: «Запишите: мужских половых признаков не обнаружено».

Я оделась, она продолжает орать — давай, говорит, имя свое называй. Я говорю: «Не буду». А она: «Так, короче, щас за свои лозунги поедешь на Лубянку в ФСБ, там тебя быстро расколят. Посадят тебя в товарняк и поедешь на Украину, на фронт. Будешь наших мужчин тогда обслуживать, ЖЕНЩИНА».

В общем, я этого психологического давления не выдержала и назвала свой деднейм^[3]. Может быть, можно было там что-то соврать...

Понимаете, я давно ушла в стелс-режим — это когда человек уже чувствует себя полностью в своем гендере. И я уже давно живу с этим. А когда я почувствовала, что все уже видят во мне женщину, то перестала говорить всем, что я трансгендерная женщина. Только если у кого-то вопросы возникнут — ну и то, близким людям — я могу рассказать. А так

в обществе я об этом уже не говорю и живу обычной жизнью. Я просто женщина, и все.

После того как меня заставили раздеться, пришел еще какой-то мужчина. Я не знаю, кто он. Но я так подумала, что либо это ФСБ, либо Центр «Э». Увел меня в какой-то кабинет. Давай, говорит, свой телефон и пин-код говори. Ну, я там вообще уже не сопротивлялась. Запуганная вообще уже была, вся в растерянности, лишь бы отстали, и все. Сказала ему пин-код, он полез в мой телеграм читать переписку, интимную всякую переписку тоже давай читать. Искал что-то про Украину — есть ли у меня там знакомые, общаюсь ли я с кем-нибудь, фотографии в телефоне смотрел. Спрашивал меня про мои операции, что я там «с собой сделала». Да, говорю, я женщина, и у меня вагина. Попытался спрашивать, как мне операцию делали — я начала рассказывать, но он не захотел слушать. Спросил меня еще, сплю ли я с мужчинами. Я говорю: «Ну да, конечно, сплю, я же женщина». А он: «Ну да, ну да».

Мой телефон так и остался у него, а меня повезли в Тверской районный суд. Друзья помогли с адвокатом Олегом Филатчевым из «ОВД-Инфо», он приехал, успел прочитать протоколы полиции^[4]. В одном из них было сказано, что [при задержании] я кричала, сопротивлялась, царапалась и убегала от полицейских с криками «Слава Украине». Но этого не было. Протокол о сопротивлении из пальца высосан вообще, там ни слова правды нет. Я вообще не сопротивлялась.

Адвокат, конечно, пытался доказать, что все это филькина грамота, просил отсрочить заседание,

чтобы вызывать наших свидетелей. Но судья сказала: «Нет, мне достаточно показаний полицейских, я не вижу оснований им не доверять». Назначила мне 15 суток ареста за неповиновение^[5] и 50 тысяч рублей штрафа за «дискредитацию»^[6] армии. Апелляцию подавали в Мосгорсуд, но судья оставила решение Тверского суда без изменений.

В «Сахарово» была с 29 мая по 12 июня. Там отношение ко мне было безразличное. В камере я была одна. А сотрудники просто выполняли свои обязанности: кормили, выводили погулять, выдавали телефон — мою симку вставляют в кнопочный телефон, и раз в день можно кому-нибудь позвонить на 15 минут. Тоскливо, конечно, я считала дни до освобождения. А в последний день уже считала часы.

Когда я приехала домой, начальник написал: «Ты уволена». Я работала в проектной архитектурной компании. Загуглила свою фамилию — столько статей вылезло... Выяснилось, что уже спустя пару часов после моего допроса с раздеванием в Тверском ОВД мои данные, включая деднейм, опубликовал телеграм-канал *Mash*. Потом прочитала о себе во «ВКонтакте» — и в российских пабликах, и в казахстанских. В комментариях, конечно, подробно объяснили, что со мной надо сделать и кто я вообще такая...

Люди говорят: «Она решила стать женщиной». Это не решение. Это чувства мои, моя душа. У меня много было депрессий, вплоть до мыслей о самоубийстве, я уже не знала, как жить.

Про законопроект о запрете^[7] на смену гендерного маркера в документах и медицинские вмешательства — это дикость, насилие над человеком. Они почему-то считают, что это «решение» человека и что это можно «пропагандировать». Что я кому-то об этом расскажу и он решит, что это круто. Как это может быть круто — жить не в своем теле и ощущать себя другим человеком?

Общество может развиваться, только уважая личность каждого человека, помогая людям. Всем людям — ЛГБТ, социально уязвленным, людям с ограниченными возможностями, бездомным... Общество может развиваться только через милосердие, через любовь и понимание друг к другу.

Все, что происходит сейчас, меня тревожит. И всякие непонятные люди... ну, вы сами знаете, что со мной могут сделать. Все говорят: «Молчи, молчи, молчи». А я и так молчу. Я знаю, где я живу. И есть люди, с кем я могу время от времени поговорить. Но все равно все это я постоянно держу в себе, и постоянно... *(Начинает плакать.)*

Редактор: Мария Климова

-
1. Выражение негативного отношения к трансгендерным людям.
 2. Протокол о неповиновении полиции подписывала она же — майор полиции Е. Ю. Цымбалова.
 3. Неактуальное имя трансгендерного человека.
 4. Есть в распоряжении редакции.
 5. Часть 1 статьи 19.3 КоАП.
 6. Статья 20.3.3 КоАП.
 7. Госдума приняла его в первом чтении в середине июня.